

Александр Михайлович Покровский

Бортовой журнал

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=317852

Александр Покровский. Бортовой журнал.: Проза.: ИНАПРЕСС; СПб.; 2006

ISBN 5-87135-174-3

Аннотация

«Бортовой журнал» Александра Покровского – замечательного русского прозаика, автора знаменитых книг «...Расстрелять!» (выдержавшей огромное число переизданий), «72 метра» (на основе одноименной повести был снят блокбастер) и многих других, представляет собой собрание наблюдений и записей по совершенно различным поводам.

Парадоксальное сочетание искрометного юмора, поэтического видения мира с жестким пристальным аналитизмом, – позволяют А. Покровскому держать в напряжении читательское внимание на протяжении всей книги.

Море и детство, новое время и давняя история, любовь и дерзость, – вот берега, в которых шумят страницы «Бортового журнала».

Содержание

Бортовой журнал 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Покровский

Бортовой журнал

Занеси в Бортовой журнал с тщанием и искренностью, указывая время и место, все происшествия дабы никто в подлинности их не усомнился.

Правила мореходства. Лондон. 1652 г.

Бортовой журнал 1

* * *

Все проблемы должны быть снабжены колесиками. Чтоб их можно было отодвигать.

* * *

На парижской ярмарке я встретил одного немца. Он бывший директор гимназии и учитель английского языка. Кроме того, он самостоятельно выучил французский и русский. Он купил все мои книги, прочитав из каждой по паре абзацев. «Мне нравится ваше жизнелюбие», – сказал он, и я его немедленно возлюбил. И еще мы сошлись на симпатии к Горбачеву.

У меня такое впечатление, что все немцы, от мала до велика, любят Горбачева. Потом он пригласил меня и еще одну даму с ярмарки, с которой он был знаком давно, к себе в гости. Там мы выпили за Горбачева, за Россию, за Германию и за евро.

* * *

Здесь очень не любят доллары и США. И немец мне говорил: «Россия! Как мы хотим, чтоб вы объединились с Европой. Мы тогда покажем этой Америке! Она напечатала свои бумажки и теперь с помощью оружия заставляет всех поверить в то, что это деньги». А я ему рассказал историю о том, что когда-то был такой монгольский хан, который на кусках картона ставил свою печать и заставлял их принимать к оплате в качестве золота. А если не соглашались, посылал войска. Так что Америка – это современный монгольский хан. Мы за это выпили.

* * *

Пришел с работы, мысленно снабдил всех придурков цветками в условном месте, после чего они у тебя в воображении ходят враскорячку и ищут вазу для отложения в нее полученного подарка.

* * *

Сереза – поэт. Мы с Колей выпустили его книжку. Я привез ему корректуру – Сереза должен был ее прочитать и внести исправления. В те времена он снимал в Москве комнату, и я застал его там. У него гостила некая дама, специализирующаяся на раннем Заболоцком.

По моим скромным наблюдениям, Заболоцкий давно поделен на раннего, среднего и позднего. И каждой его частью кто-то все время да занимается. Эта дама занималась ранним, так что на ночь мы все разместились в одной комнате, причем в туалет надо было ходить осторожно, поскольку в соседней комнате жила совершенно пьяная семья, у которой была собака – щенок кавказской овчарки. Так что все мы встречались у туалета – семья, собака, я, Сережа и дама с Заболоцким. Собака непрерывно гадила, так как пьяные хозяева ее на улицу не выводили.

То есть, двигаясь от разговоров о Заболоцком в сторону туалета, следовало внимательно обходить небольшие кучки.

А еще Сережа снимал комнату в другом месте, и там соседкой была тетка – декоратор на картине Тарковского «Сталкер». Она тоже непрерывно пила, а потом являлась ночью справиться насчет даты начала Второй мировой войны.

А что касается туалета, то в этом случае он был раздолблен так, что не знаю как по большому, а вот по малому надо было сильно изгибать струю, чтоб попасть в этот лабиринт всевозможных отверстий.

* * *

Мой особый привет всем русофилам.

Впервые руссы упоминаются в летописях XII века. Там говорится о том, что славянские племена, утомившись от междоусобиц, пригласили к себе Рюрика (по другим источникам Эрика) и его братьев Синеуса и Трувора. Они ему предложили править ими.

Рюрика с братьями до этого выперли вроде как из Дании, и идти ему, в общем-то, было некуда. А прибыл он через Неву на кораблях в Ладогу, чтобы в ходе грабежа разжиться кое-каким добром, дабы потом вернуться на родину и показать всем там кузькину мать. Тут-то его и нашли славяне. Они быстро сговорились, и на реке Волхове Рюрик основал крепость Новый город, или Новгород. Земля вокруг этой крепости стала опорным пунктом руссов (вероятно, искаженное название населения Родра, впоследствии Рослагена – гористого прибрежного района в Восточной Швеции, откуда были родом некоторые сподвижники Рюрика).

На берегу Волхова до сих пор находят предметы эпохи викингов: серебряные подвески, бронзовые амулеты с рунами. Все они в основном шведского происхождения.

После 862 года братья умерли, а Рюрик продолжал властвовать над обширной областью, при этом он бился со славянами, с которыми он не успел договориться, а в промежутках торговал с ними же или с кем попало соболями, белкой и прочей пушниной.

Арабский географ ибн-Рустах в начале X века писал, что у руссов нет полей, нет хозяйства и жить они предпочитают на островах, поскольку очень любят воду и свои корабли (дракары викингов потом удивительно до чего напоминали былинные ладьи).

Когда рождается сын, отец подходит к нему с мечом и говорит: «Я не оставлю тебе ничего, все, что тебе нужно, ты завоюешь мечом!»

Что касается Киева.

До 862 года Киев был всего лишь небольшим поселением славян на крутом берегу.

Но от него было всего-то 570 миль до Черного моря, а там и Константинополь недалеко, где добра не перечесть. Так что мимо Киева викинги-руссы спокойно пройти никак не могли.

Аскольд и Дир, два военачальника из разросшегося донельзя на славянских харчах войска Рюрика, заложили здесь крепость.

В 882 году Олег (по некоторым сведениям, Ольг или Олигер), князь Новгорода и преемник Рюрика, оценив ситуацию, убил Аскольда и Диру и во главе армии руссов, финнов и славян захватил Киев, ставший впоследствии «матерью городов русских».

К концу IX века руссы уже владели территорией, простирающейся от Ладожского озера к югу до Босфора и к востоку от Карпат до Волги.

При Святославе, первом из правителей Киева, принявшем славянское имя, руссы подчинили себе племя хазар и «черных булгар» в Поволжье. Они вели войны и с «белыми булгарами» к югу от Дуная.

Святослав был довольно свирепым воином – его страшились и свои, и чужие.

Он спал под открытым небом, завернувшись в плащ, и брил голову, оставляя лишь прядь волос на лбу (что очень напоминает оселедец). А еще он носил в ухе серьгу из двух жемчужин и рубина (кажется, это было в моде у всех пиратов).

На поле брани он рычал, как дикий зверь, а воины его издавали дикий вой, очень похожий на нынешнее «ура».

Печенеги подкараулили Святослава в засаде у днепровских порогов, там же его и кокнули, а потом они вставили его череп в золотую оправу и опрометчиво использовали его как кубок.

Сынок Святослава, князь Владимир, им это не простил и долго их после этого смертным боем бил.

В 988 году Владимир, лично приняв от Византии православное христианство, немедленно загнал всех своих подданных в Днепр, где их и окрестил, после чего он тут же получил в жены сестру византийского императора и кое-какое приданое.

Не то чтобы он очень хотел принять христианство, просто деньги ему дали в приданое немалые.

В ответ он направил в Константинополь 6 тысяч воинов руссов, которые вместе с наемниками и где-то родственниками, викингами, образовали личную гвардию императора.

А потом был и Ярослав Мудрый, сын Владимира – так дела и шли себе.

Так что когда я слышу лозунг «Россия для русских», всегда хочется уточнить: для русских какого периода? Поскольку руссы времен Рюрика были, в общем-то, шведами.

* * *

Кстати, о шведах. Не знаю, установят ли когда-либо на Ладоге приличный памятник морскому бродяге Рюрику и всем его сподвижникам. Хотелось бы. Все-таки эти орлы хоть и набивали свои карманы всяким славянским добром, но и служили за него верой и правдой.

А еще хотелось бы видеть памятник еще одному шведу. Карлу XII. Ведь без него никогда бы не пришла Петру Алексеевичу в голову светлая мысль основать в устье Невы город Санкт-Петербург.

* * *

«Ей хотелось, и вот!» – эпитафия.

* * *

Сегодня книжные магазины похожи на рыбные ряды, где книга – это рыба.

Привозят туда рыбу и говорят: «Возьмите! У нас свежая!» – а им отвечают: «Мы еще тухлую не продали!»

* * *

Армяне очень любят называть своих детей именами ученых, полководцев и прочих знаменитостей.

Одного моего родственника зовут Кимо. Это, как ни странно, сокращенное от Архимеда.

И вот звонит он как-то по телефону своему другу, которого зовут Ньютон.

Трубку берет жена, и Кимо ей говорит: «Позовите Ньютона!» – «Ньютона дома нет. Что передать?» – «Передайте: Архимед звонил!» – молчание на том конце, а потом: «Вы что? ИЗДЕВАЕТЕСЬ?!»

* * *

По вчерашнему обращению к нации. Нет слов для описания радости при виде их радости.

Справка: чиновник – паразит, ростом с лошадь.

* * *

Когда меня спрашивают: «А вы кто по национальности?»

Я всегда отвечаю: «Помесь осла с испанской зеброй!»

После этого сразу спрашивают: «А разве бывают испанские зебры?»

То есть вопрос о существовании национальности «помесь осла» вторичен.

* * *

Жил-был Маврикий. Был он римлянином, но черного цвета. И вот однажды он со своим отрядом напал на какой-то совершенно другой отряд и разгромил его, но потом, в ходе сбора военных трофеев, он выяснил, что напал он на собратьев по вере, то есть на христиан. После этого Маврикий явился к начальству и заявил, что отказывается впредь выполнять подобные поручения, пока не удостоверится, что перед ним не единоверцы.

После этого его немедленно казнили, и казнь он принял, как и положено христианам, с величайшим смирением, за что и был со временем, несмотря на черный цвет кожи, объявлен образцом для всего рыцарства и произведен в святые.

То есть в принципе во все времена предмет для подражания сначала казнят.

* * *

Опять по телику стали показывать уборочную страду!

А урожай-то какой знатный! Аж по 60 центнеров с га.

Просто вернулся со слезами в прошлое, когда все мы в едином порыве и до горизонта маму пополам!

Правда, в прошлом (как и в позапрошлом, но второй половины) урожаем в 60 центнеров, особенно у поволжских немцев, никого нельзя было удивить.

Случались и большие урожаи, а потом их тащили баржами вверх по матушке-реке до того момента, пока не появился поэт Некрасов, объяснивший всем, как ползут вдоль Волги бурлаки. После чего урожаи снизились, а восторг по их поводу остался, как и желание быст-

ренько загнать все это богатство за невиданные деньги на Запад, чтобы потом, когда все опомнятся, купить за другие невиданные деньги все то же самое назад из-за рубежа.

* * *

Ребята! Никто не видел мои штаны? Странно! Только что тут лежали...

* * *

О пуговице!

Пуговица может быть и квадратной. Это вы там у себя привыкли к круглой, а мы тут не ищем легких путей, потому как у нас флот!

* * *

Об афоризмах в книге «Кот»! Ну что за придирки? И не надо искать философа Жарда, потому что зря. Я его сам придумал.

* * *

О чиновниках! Они везде.

Но наши прожорливей и за год могут удвоить поголовье.

* * *

О доблести!

Слово это состоит из двух частей.

Вторая его часть – «блести» – говорит о некотором, по-видимому, нестерпимом блеске.

Первая часть – о том, что надо бы до него, до этого блеска, себя довести.

Гм!

* * *

«Он успевал всюду!» – это эпитафия.

* * *

О моем героизме!

Пес его знает. Как говорил Козьма Прутков: «Я – герой. Потому что если они герои, то я уж точно!»

Только не надо лезть и искать это изречение у Козьмы.

* * *

О хриstopродавстве!

Да. Был когда-то такой грех у одного, в общем-то, несчастного человека. Он еще, помнится, потом повесился.

Справедливости ради надо отметить, что само по себе предательство чего-то очень светлого там у себя глубоко внутри здорово с тех пор распространилось, а вот число повесившихся как-то совсем не увеличилось.

* * *

Наткнулся на фразу: «Наши ученые установили, что седалищный нерв очень чувствует приближающиеся приключения...»

Это они, стало быть, о жопе.

Тонкое наблюдение.

* * *

Хочется сделать что-нибудь приятное для власти. Я пока не знаю что, но хочется.

* * *

Лошадиное дерьмо приходит на ум часто. Не то чтобы оно вдохновляет, нет. Просто этот образ, возникающий в воображении при взгляде на некоторые явления и проявления, примиряет тебя с тем, что, подсохнув, они развеются ветром.

* * *

О видении нового!

Лично я очень хочу увидеть что-нибудь новое.

Даже можно сделать плакат «Хочу увидеть что-то новое!» и везде с ним ходить.

* * *

Будет ли открыт памятник фразе Карамзина «Воруют»?.. Если да, то здорово. Подумать только: Нострадамус в выражениях, подобных этому: «И придет мгла. И поглотит она мир. И будет плач. И явится миру человек в образе волка...» – описал будущее «примеряй на что хочешь», а тут человек сказал одно слово, которое на долгие века определяет особую статью нашего родного Отечества.

* * *

Один автор написал книгу «Почти всё».

Все, до последней, знаете ли, крошки.

Думаю, что она про коитус.

* * *

Кстати, готов на эту тему размышлять: все ли у нас коитус, коитус ли у нас все?

А может, все у нас почти коитус или коитус у нас почти все?

М-да! Не то чтобы я против коитуса, нет.

* * *

О патриотизме!
Патриотичнее меня, надо заметить, только пограничные столбы.

* * *

И хорошо, что я на родине.
На родине всегда тепло. Свое говно греет.
Это от чужого отвратительно несет.

* * *

О Волгограде

Этот город похож на покинутый стадион, когда на него все еще приходят безумные старики. Им все кажется, что вот-вот начнется футбольный матч.

А пристань здесь сделана для великанов. Она такая, будто к ней должны были все время приставать корабли и с них на берег должны были сходить великаны.

Все потеряно. Тут все потерялись, и жители не понимают, зачем это все, откуда и для чего.

На заброшенном песчаном берегу рядом с камышами мы нашли голову гигантского карпа или сазана. Она не поместилась бы и в ведро.

* * *

А Саратов похож на дорогу для вагонеток. Будто их спускали с горы, и они сами добрались к подножью.

Этот город весь на холмах. Высокий город, живой, как тело. Встанешь на холме, глянешь вниз, и кажется, что сейчас полетишь – так высоко.

* * *

В Астрахани все очень сильно спрессовано – на улицах крепкие еще купеческие дома со следами бывшего достатка. Мы приехали с Колей по Волге – было у нас такое безумное путешествие. В первый же день посетили музей. Здесь есть Кандинский. В музее пусто – ни одного человека, зато на улице пьяная драка – множество молодых людей, с трудом сохраняя равновесие, как во сне, медленно размахивались и били друг друга. После первого же удара равновесие теряли оба: и тот, кто бил и тот, кого били.

* * *

Мы с Колей собрались писать романы на Волге. Идея принадлежала Коле, а я, дурак, на нее купился. Коля уговорил меня ехать в Банновку – есть такая деревня на Волге, где у Жени Яли – замечательного художника – имеется дом. Коля договорился, что мы у него проживем в его отсутствие.

Меня интересовал быт: мы будем писать дивные романы, но кто же нас будет кормить?

Коля сказал, что кормить нас будут жители Банновки, которых мы на это дело найдем. А для того чтоб нанять жителей, мы взяли с собой по литру спирта «Рояль» на брата. Только приехали и разместились, как немедленно побежали на Волгу купаться.

А «Рояль» мы оставили на столе.

Когда мы вернулись с купания, «Рояль» на столе уже не было. Жители Банновки не стали дожидаться, когда мы их по поводу кормежки начнем уговаривать.

Они спиздили наш спирт сразу.

Следующий же «Метеор» унес нас из Банновки на хер.

Так мы и не написали там с Колей дивных романов.

Коля был мрачен.

* * *

Был на даче. Занимался рытьем. Там были все: жена, ее сестра с мужем, тесть с тещей. Вечером, как водится, надулись чаю и спать.

А чтоб не вставать ночью и не будить всех, каждый из мужиков взял по посудине и поставил у кровати.

Женщины терпеливее нас. Но ночью теща решила пописать. А дед взял себе железный кувшин с узким горлышком. Утром теща тестя ругает. Вернее, рассказывает своей дочери, какой тесть мурак, потому что она целилась в это горлышко, как чеченский снайпер. А тесть говорил: «Тише! Сашка услышит и рассказ про тебя напишет».

* * *

«Она была страшна, как долото в тумане!» – речь тут, скорее всего, идет о женщине.

* * *

Ну! Лодки в море не отправляются, зато романтики теперь – хоть отбавляй.

А это всегда так: меньше моря – больше романтики, начали ходить в море – романтика куда-то немедленно подевалась.

Просто какие-то сообщающиеся сосуды!

* * *

История вообще лишена какого-либо романтического флера, а история викингов – в особенности.

Сначала викингами считались датчане, или даны, а потом, когда эти даны расселились по всей Скандинавии, то и норвежцы, и шведы.

Промышляли они морским разбоем. Не брезговали грабить и своих. Например, идет где-нибудь мимо Готланда корабль с викингами, а навстречу ему такой же корабль возвращается из чужих земель с награбленным. И вот разговор между двумя военачальниками: «У нас гребцы свежие, а у вас нет. Вы с поживой, а мы нет. Может, испытаем вашу усталость?» – а в ответ им: «Попробуйте!» – и борт немедленно ошестинивается мечами.

Викинги обожали грабить монастыри и церкви – навалились с моря, всех покрошили в мелкий винегрет (безоружных монахов крошить было очень удобно, они не оказывали сопротивления), а потом, уже не спеша, можно было срывать золото и серебро с окладов и уносить на пазухой украшенные драгоценными камнями распятия.

Так что уходили со знатной добычей.

Все это считалось делами славными.

Викингами становились младшие сыновья землевладельцев, потому как все в семье доставалось первому сыну, а следующим сыновьям доставались мечи. Землевладельцев называли ярлами. А свободных ремесленников – карлами. Вот молодые ярлы и набирали себе беспризорных карлов, после чего и отправлялись за море искать себе приключений.

«Скот падет, и близкие уйдут, все люди смертны; я знаю, лишь одно бессмертно: слава великих дел» – вот такие были лозунги, а под славой понималась кровавая резня ради поживы.

Сначала в дальние страны отправлялись разведчики-купцы, а потом те же купцы возвращались на ста кораблях вместе с головорезами.

Британские острова, Исландия, Португалия, Гренландия, Канада, Нидерланды, Испания, Франция, Марокко, Италия – все подвергались нападению с моря.

В некоторых случаях местное население изгонялось и вместо них поселялись викинги – ну, чтоб ближе было потом ездить грабить. Так возникли поселения викингов на Британских островах, в Нормандии, Новгороде, в Киеве.

Викинги смешивались с местным населением, потому что мужчины викинги были красивы, следили за собой и ходили в баню, что выгодно отличало этих статных язычников в IX веке от немытых и мелких христиан. Так что женщины их любили.

При Карле Великом были отлажены оборонительные укрепления, и набеги на побережье стали редки, но потом он умер, оборона расшаталась и викинги возобновили грабеж.

Нельзя сказать, что население Европы и Африки совсем не оказывало сопротивления.

В 711 году викинги, поднявшись по реке Гвадалквивир до Севильи, разорили целые области Испании, принадлежавшие маврам. Мавры нанесли ответный удар, обстреляв скандинавский флот сосудами с горящей нефтью и потопив 30 кораблей. Эмир Абдаль-Рахман Второй лично повесил захваченных в плен викингов на финиковых пальмах Севильи. В качестве заключительного ритуала он послал головы одного из вождей викингов и двухсот его воинов своему соплеменнику и союзнику в Марокко.

Оставшиеся в живых викинги, придя в полное отчаяние, обменяли пленных мусульман на еду, одежду и право прохода, после чего 15 лет они боялись даже нос сунуть во владения мавров. В 859 году старый датский пират Бьерн Железнобокий во главе флота из 62 кораблей вошел в Гибралтар. Его войско разграбило сокровищницу большой мечети Альхесираса и ураганом пронеслось по всему Северному Марокко, сея смерть и разорение.

Викингам регулярно платила дань Франция. Не отставала от нее и Византия.

А славян викинги не грабили – там грабить нечего было, но зато славяне ремонтировали викингам корабли, которые при спусках по рекам из варягов в греки сильно страдали от переправы волоком через пороги. И еще викинги делились со славянами добычей, платя им за пропуск через их земли. Со славянами легче было договориться, чтоб не получить потом стрелу из кустов в затылок.

Так взаимное притяжение и росло.

Кончилось это известно чем: викинги сели княжить в Киеве и тем самым основали на века Великую Российскую империю.

* * *

Рассказали историю в четырех картинах и одном примечании.

Картина первая:

Северный флот.

Каплей, любитель крепенько заложить за воротник, назначен в офицерский патруль. Хорошенько отметив это свое назначение в наряд целой бутылкой сразу же после заступления, он бредет по маршруту патрулирования.

И – вот те на! Встречный задумчивый мичман не отдает честь!

– Товарищ мичман, вернитесь! Ваши документы! Почему честь не отдаете?

– Виноват, тав-ва-рищ кап-тан лейти-инант!

– Ё! Дык! Ептыть! Виноват? Накажем!

– Так точно, тав-ва-рищ кап-тан лейтинант. Готов нести. По всей строгости!

Картина вторая:

Звонок в комендатуру:

– Мной, капитан-лейтенантом Жмуркиным, только что за неотдание воинской чести по личной просьбе расстрелян мичман Пупков. Прошу прислать машину к переулку 8 Марта.

Отбой.

Картина третья:

Высыпая из машин, охреневшие посланцы комендатуры наблюдают следующий пейзаж: на лавочке, устав от трудов праведных, посапывая, отдыхает пожилой каплей. За углом в стене целых четыре пулевых отверстия. На травке у стены – неподвижное тело мичмана...

Картина четвертая:

В офицерской камере гарнизонной гауптвахты, кроя себя и все на свете трехэтажным матом, пытаются хоть как-то припомнить события предыдущего вечера оба действующих лица, неведимые, но страдающие от неимоверного похмелья.

* * *

Примечание для тех, кто не все понял: после того как мичман сказал, что готов к наказанию, они пошли и напились как свиньи, а потом один другого расстрелял, заручившись предварительно его же согласием.

К удовольствию всех, он промазал, но мичман рухнул на землю, так как считал себя убитым, после чего оба уснули.

* * *

Вы знаете, не перестаю удивляться: говорю всем насчет того, что, ребята, настоящей причиной гибели кораблей может быть именно некая «наведенная шизофрения», связанная с усталостью людей.

Такое впечатление, что никто не слышит. Даже удивительно.

«Шизофрения» летит мимо ушей. То есть с тем, что техника может быть ненадежной, согласиться еще могут, а с тем, что люди могут подкачать из-за своей физиологичности (из мяса и костей же состоят), – это принять не готовы.

* * *

Меня с этим миром примиряет то обстоятельство, что человек не вечен. Все помрут. Здорово. Некоторых зарюют. Многих с почестями.

* * *

Когда у нас заговорят о людях? Все о «железе» и о «железе». А о людях? Они же живые – разговаривают, смеются, встречаются, рыдают.

* * *

Хорошо, что я тогда сел на последнем ряду. А если б я сел на первом? Катастрофа! Но Бог миловал. А я и не знал тогда, что поэзия – это так весело. Я считал, что это дело скучноватое: нервные девушки читают нервную чушь – «любовь, кровь, куда-то головой с моста». А тут – такой праздник. От смеха я рыдал и всхлипывал с пузыречками.

Там еще была одна поэтесса с многообещающей фамилией Элеонора Болтиневская (папа ее Болт), так она тоже не дала мне умереть и сдохнуть без следа.

* * *

Подводник Гаджиев был герой. Он всплывал в середине конвоя и расстреливал его из пушки, вместо того чтоб тихонько (без героизма) подобраться, выпустить торпеды, а потом тихонько свалить. Несколько раз это ему сходило с рук – враги торопели, а потом они перестали торопеть и просто расстреляли его «потаенное судно», как говорили во времена Петра. Герой утонул вместе со своим экипажем, то есть утопил своих подчиненных, за что его и наградили всячески, и даже наша база долгое время носила его имя.

Война – дело разумное, а если оно «не разумное», тогда говорят, что она – героическая.

* * *

Об англичанах. Чем меньше жизненного пространства, тем изворотливее ум. Эти на островах живут, вынуждены умнеть. И умнеют они как минимум пару тысячелетий.

А на больших просторах умнеть совсем не обязательно: изгадим эти просторы, перейдем на следующие.

* * *

О культуре и ее министре. Очень трудно быть министром того, чего нет.

* * *

В аэропорту нас встречал Стефан. Мы с Колей прилетели в Швецию в гости к Стефану. Познакомились мы на шведской книжной ярмарке.

Стефан тоже издатель и, кроме того, он знает русский язык, а еще он изучает философию и сам переводит сочинения Кьеркегора с датского на шведский.

Русский Стефан изучал в Москве, где он учился, став московским студентом сразу же после того, как перестал быть шведским военным летчиком. Издательство у него называется «Нимрод», что означает сокол.

Мы со Стефаном немедленно сошлись на том простом основании, что оба мы бывшие военные.

– Они же нам все ввали! – говорит Стефан о своем правительстве, а ввали они насчет того, что расписывали им нас, русских, как существ, чрезвычайно опасных.

Я ответил Стефану тем, что и нам очень много ввали, но теперь, слава Богу, мы можем наконец заглянуть в глаза друг другу.

Заглянуть в глаза Стефану может только Коля – Стефан почти два метра ростом. Я же могу заглянуть ему где-то в район верхней пуговицы пиджака.

Стефан везет нас к себе в гости, на север. Дорога все время вьется вокруг каких-то скал. В

Швеции вообще нет полей в нашем понимании. У них есть скалы с соснами и что-то вроде полосок земли, отвоєванной у скал. Там у них все и растет. Ни одного клочка брошенного или неухоженного.

Стефан везет нас к себе в лес.

Живет он в лесу. У него там дом.

Тут многие так живут. Городок с десятую тысячами населения, из которых семь тысяч по лесам, здесь обычное дело.

В городке в воскресенье никого нет. Главные достопримечательности – бассейн, книжный магазин, библиотека и Музей паровоза.

Тут у них есть один паровоз, так вот он теперь находится в музее, и Стефан нам его сейчас же показал, как только мы въехали в городок.

Шведы, как уверял нас Стефан, до сих пор боятся русских. Лозунг «Русские идут!» придумали они сразу же после войны Петра Первого с Карлом Двенадцатым.

Стефан нас будет немедленно кормить, о чем он нас и оповестил, но для этого нам надо доехать до его дома, который находится чуть дальше в лес.

Шведы помешаны на экологической чистоте, так что и в лесу у них стоят туалеты, а дома в лесу снабжены всем необходимым.

Гадить в лесу разрешено только лосям. Идешь по дорожке и видишь – вот он лось, а вот его кучка.

Стефан привез нас прямо к дому, и первым на крыльцо взошел Коля – он из нас двоих лучше всего произносит речи. Коля подготовил речь для встречи жены Стефана. Открылась дверь, и на пороге показалась жена – Коля поперхнулся.

Дело в том, что жена у Стефана примерно лет на шесть-восемь старше самого Стефана. Выглядит она, прямо скажем, не его женой. Стефану от силы можно дать лет тридцать пять.

– Открылась дверь, – говорил мне потом пораженный Коля, – и выпила... мама Стефана!

За обедом мы ели салаты и копченую форель огромных размеров. Запивали мы все это белым вином.

От Стефана не укрылось то обстоятельство, что Коля скромничает и есть помалу.

– Не бойся, – сказал он, – у меня есть еще одна форель!

Меня же они вдвоем очень быстро окрестили обжорой.

Пока мы сидели за столом, за окном дважды проезжала машина.

– Задолбали! – пожаловался Стефан. – И ездят, и ездят!

Дело в том, что шведы очень ценят покой. Они соседа-то по хутору иногда лет по десять не видят и догадываются о том, что он еще не помер, по дыму из трубы, а здесь – за час две машины.

– Я им проложу другую дорогу! – говорит Стефан. – Пусть едут там!

– А давай я их отважу от твоего дома! – предложил ему я.

– Как это? – заинтересовался он.

– Я возьму лопату и вырою прямо на дороге большую яму, а перед ямой мы поставим доску, на которой напишем «Земляные работы». Лет на десять хватит, а потом они сами отвыкнут.

– Ну нет! – смеется Стефан, – У нас так нельзя!

Стефану мы нравимся, и он предлагает дружить.

За дружбу между шведскими и русскими издателями мы немедленно выпили.

Мы выпустили со Стефаном несколько шведских книг, а потом он женился на другой женщине, завел с ней кучу детей и уехал в Берлин.

Теперь он иногда возмущается по телефону из Берлина:

– Они мне прислали из Швеции бумажку с налогами! Я давно там не живу, и бизнес забросил, а они все шлют и шлют! Представляешь! Даже есть налог на то, чтоб быть похороненным в шведской земле!

С налогами в Швеции просто беда. У них налоги на все. Есть налог на церковь, а вот и на похороны в земле налоги ввели. Так что бедные шведы!

* * *

Наше издательство наградили наградой: на бронзовом столбе увитый лавровым венком ноль.

Это Коля постарался. Без него они бы в этом комитете по вручению этой тяжелой бронзовой чухни еще долго с нас бесплатные экземпляры книг тянули.

Я на этих вручениях и раньше был.

Скука смертная, но только до того момента, пока ведущий не начинает говорить о литературе.

Я так никогда еще не смеялся. Коля меня все время пихал в бок, а я как посмотрю на ведущего, так и прысну – тонким заразительным смехом. Когда ведущий в своей речи наконец добрался до кандидатов, я уже смеяться не мог, я от изнеможения только хрюкал.

* * *

Письмо Люлина: «Происходило это на пирсе, во время пересадки с одного борта на другой. Московский кадровик на пирсе, жена – на смене в лаборатории СРБ (служба радиационной безопасности).

Звякнул ей с пирса: «Пришел, привет! Сейчас ухожу, но должен дать ответ на два предложения: дивизия на Камчатке или первый замначальника училища в Киеве. Приказ будет в кратчайшие сроки. Что ты думаешь?»

Получил ответ. На первый «совет» по вопросу служебной карьеры. Опешил. Ругнулся про себя. Но, кажется, и тоже впервые глянул на свое любимое дело трезво. Потоптался по пирсу, покумекал, не советуясь больше ни с кем. «Х... с ним!» – сказал себе и дал согласие на Киев. Может, тем самым не исчерпал жизненные силы до дна. Кое-что осталось. Сходил на контрольный. После того с ним же на БС (боевую службу). Приказ был за месяц до возвращения с БС. Так я и оказался в Киеве. Попал в банку пауков. В училище на различных должностях 209 политрабочих, пришедших в училище не меньше как с должности замначпо. Здоровенный политотдел при наличии восьми кафедр марксистских наук и парткомов на всех четырех курсах. Разгул маразма и идиотизма. Сподоблюсь – начирикаю об этом подробно. Как у трех титок (три источника, три составные части марксизма) ковались кадры бездельников. Вот уж где была тоска зеленая! Но, опять же, это пошло мне на пользу. Сомнения стали исчезать, как утренний туман. Драл их нещадно (профессиональных политрабочих – не курсантов, курсанты меня любили), невзирая на ранги. Предметно. С моей подачи,

сверхнастойчивой и принесшей мне кучу неприятностей, загремел в запас один из «героев» твоих рассказов (Чирков), отпетая сволочь, бывший начпо 31-й (Федоров, Порошин, Чирков). Почему у тебя нет рассказика «Трус, Балбес и Бывалый»? Комдив страшно боялся всех начальников – Трус, НШ – никого и ничего не боялся (Бывалый, или «норма три бутылки» знаешь чего), и Балбес – начпо. Та еще была тройца.

Тема пребывания в море и частоте пребывания – глобальная и крайне важная и необходимая для «обнарождения».

* * *

Лодка – сложный механизм. Делается он многими и многими. Каждый делает свою деталь, а потом это все собирается внутри прочного корпуса и как внутри человеческого организма: разные органы должны не только сами по себе работать, они должны еще обеспечивать работу другим органам, так и в лодочном нутре – одни механизмы цепляются за другие.

Не всегда лодочные механизмы стыкуются друг с другом безболезненно.

Не все устройства равнозначны по степени безотказности.

Как бывает у человека: если отказывает какой-то орган, то другой берет на себя часть его функций.

У лодки тоже такое есть. Если откажет один реактор, то есть второй.

Человек на лодке на то и существует, чтоб сглаживать нестыковки между механизмами. Если б их не было, это была бы лодка-автомат. Существуют же беспилотные самолеты.

То есть получается, что механизм может выйти из строя, а человек – нет. Не имеет права.

Когда я слышу эту фразу «человеческий фактор», то на ум приходят только дисциплинарные взыскания. В мое время считалось, что после этой фразы обязательно должно идти «дальнейшее усиление дисциплинарной ответственности».

Считалось, что достаточно человеку приказать, немного его приструнить, и он снова бодр и весел. Он снова готов идти в море и причем на столько, на сколько понадобится – на год, на два. Пришел – его еще раз наказали, построили, пригрозили, внушили – и он опять пошел в море, потому что обязан, присягу давал.

О том, что человек может ломаться, что ему надо отдыхать, хотя бы спать, пусть даже он самый что ни на есть дисциплинированный и ответственный, речь не шла.

Человек у нас не ломался, а если с ним такое происходило, то существовали органы – партийные и госбезопасности – которые в три секунды доказывали, что перед нами негодяй, и место его в тюрьме.

То, что человек после долгого нахождения в море испытывает легкое помешательство, назовем это неадекватностью, и может творить что-то, совершенно об этом не ведая, считалось абсурдом, чушью, глупостью, вредительством, происками империализма.

Это у них, считалось, такое сумасшествие и временное помешательство возможно, а у нас – все люди моральные, нравственные, им только по попке надо вовремя настучать или беседу с ними провести – и снова полный порядок.

Так что можно сказать, что львиная доля аварий случалась по вине людей.

Но! Тут есть еще одно «но».

Мы уже говорили, что отдельные механизмы на лодке далеки от совершенства. Вот это их несовершенство и прокладывает внутри лодки пути развития аварий. Они там уже есть. Например, если на лодке пожар, то жди, что продукты горения просочатся в соседние отсеки, как ты ни старайся, потом выгорят сальники какого-либо забортного устройства, и внутри пойдет вода. Она заполнит сначала один отсек, потом ползет в соседние.

Человек в лодке – что-то вроде запала – не дай Бог тронет что-то не то, тогда эти схемы, цепляющие друг за друга конструктивные несовершенства, придут в движение – и лодке конец.

А задеть он за них может не оттого, что он последний дурень или разгильдяй, а потому что он просто устал и не помнит, за что он схватился и что зачем нажал.

* * *

Иногда хочется всем что-нибудь подарить. Какую-нибудь незначительную козявку. Чтоб всем-всем по козявке.

* * *

Е. ко мне хорошо относится. Я почему-то ее не люблю. Мило здороваемся, но, увы, кокоша. Она похожа на искусственную челюсть в стакане.

Что касается нашей Д., то ее делали только в тумане.

Про М. я уже писал. Тут у нас мешок поз и амбиций.

К.? Дело тонкое, Петруха. Уважение к большим людям с большими деньгами там генетическое.

Это я могу всем говорить, что мне плевать, но у меня ведь тоже генетика. Там, где-то очень глубоко обитают у меня предки – кавказские беки и ханы, и еще у меня где-то заваялись Вяземские Петры Андреевичи.

Так что у К. нет такой череды поколений. Там прадед наверняка спину перед баем гнул.

А прадед моего прадеда даже пулям не кланялся. Я, конечно, сам на все это смотрю очень косо, но иногда порода дает о себе знать.

Тут и Вика написала: «Как вас найти?»

Я ей ответил: «Как выходите с вокзала, сразу ищите указатели: «К Покровскому» и «От Покровского». Если не найдете их, позвоните по телефону: 123-45-67, и вам помогут.

* * *

Иногда хочется раздавать советы.

И чтоб они были не совсем советы, а так, рекомендации.

Например: «Не ешьте здешний кефир!» – «Почему?» – «Вы говорите с нами из ближайшего туалета?» – «Нет». – «Значит, мы успели».

* * *

Письмо Жойдика: «По шизе. У меня приколы такой был. Остался я, как обычно, один. Вторые сутки регламента РК (ракетный комплекс). Всех с утра выдрал (смотр формы одежды и его последствия), развел на приборки-устранения-прочее дерьмо, как тут вторая ЦВМ – тресь! – рухнула. И не запускается. А ракетчики это по своим приборам видят. Прилетают и давай смрад напускать: что у тебя тут, и когда вы только работать научитесь, и ничего-то вы не можете, и никогда от вас... и так далее в том же духе. Послал на хер. Сижую и думаю. И ни хрена не понимаю. Проверил контрольные напряжения (благо все тестеры недавно за шило отремонтировал, а то ни одного не было).

Все в норме. Все кассеты досланы. Больше мы не имеем права ковыряться, а то ГТО (гарантийщики) с нас башку снимет, и с должности сняться поспособствует, и платить заста-

вит. Я – к ним, бегом. Бросил все ИДАшки (индивидуальные дыхательные наши аппараты должны были на полугодовой или годовой, что ли, регламент сдавать) с моряками.

– Мужики!!! – ору. – Спасайте!!! Ракетчики сейчас первые куски от ягодиц откусывать начнут, вон они, у пирса стоят в слюне по колено!

А ГТОшники почти все – бывшие штурмана, гражданские. Спокойные, как танки.

– Щас... Не суетись, штурман...

И не чешутся. Я чувствую, что накаляюсь и ЩАС уже я... да каяяк!!!

Они видят, что дело действительно серьезное – ясно по моему лицу – и говорят:

– Все, штурман, через десять минут будем. Я прихожу – и – ах ты, ебть!!! Первая ЦВМ взяла пример со второй и приказала долго жить. Ракетчики с членами наперевес тычут свои мордочки в гипопост и страшно раздражают. Своими безумными советами и комментариями по поводу неполного служебного соответствия.

Ситуацию спасли ГТОшники. Все ж-таки бывшие наши, знают, чем такие траблы кончаются... Все мордочки тут же попрятались, и эрекция у них сразу исчезла. Где-то в районе 5-го отсека...

Мои ГТОшники так же, как и я, проверили контрольные питания... пожевали губами... сделали умные физиономии для приличия... Я в предчувствии чего-то недоброго с мукой в лице предложил им мой единственный живой на всем корабле осциллограф. Они посмотрели на меня так... жалостливо...

Пауза затягивалась. Я понял, что если третья ЦВМ не выдержит, ракетчики организуют огневую подготовку.

– А пойдем покурим, а, штурман? Есть сигареты?

Отказывать неудобно. Обслуживающая организация все-таки, хотя хочется послать весь мир... Да и где мое морское подводническое гостеприимство?!

Пошли. Поднялись на пирс, покурили. Стоим молча.

– А ты нас не накормишь?

Ой, блин! Время-то уже!.. Тринадцатый час!

Конечно накормлю... Накрыли на стол в кают-компании на нашу братву и на меня. Как раз командир ел и куда-то торопился. ГТОшники с ним поздоровались, чинно сели и стали есть, уговаривая меня не думать сейчас ни о чем и поддержать их компанию. Командир в присутствии «чужих» очень вежливо поинтересовался, как идут дела с устранением неисправностей в навигационном комплексе, на что я рта не успел открыть, как за меня ему тут же ответили, что все будет ОК, тащ командир... («...сказал доктор, вставляя мертвому клизму...») – мысленно продолжил я).

– Ну-ну, штурман! – сказал командир, чувствуя сердцем мое настроение, поблагодарил вестового и исчез.

После обеда желудок придавил на глаза, выталкивая волнение по всем законам Бойлей-Мариоттов и Паскалей через уши в космические дали. Вышли покурить. Тепло... Солнышко греет не по-зимнему... Ляпота!.. Даже мартины (чайки) почти не орут... тоже сонно дрейфуют на воде, перебирая лапками...

Спускаемся вниз.

– Ну, – говорят мои ГТОшники – стартуй!

– Как стартуй?! – это я им. – Мы же ничего не делали?!

– Ты стартуй давай... – строго они мне. – Там увидишь.

Стартую. Безо всякой надежды ввожу код запуска, нажимаю кнопку пуска тактового генератора процессора... и о, Господи, Вседержители!!! Лампочки начинают весело подмигивать. Есть старт!!! Бросаюсь к следующей – такая же картина! Оглядываюсь на ГТОшников, а они отвели глазки и сидят, крыс по щелям рассматривают, цветом кабельных трасс любуются...

– А пойдём-ка ещё раз покурим, штурман, а? Есть ещё сигареты?..

Да, Господи, да сколько угодно! Да я!.. Да хоть бегом в магазин!.. Вышли. Курим.

– Ты знаешь, штурман, был у меня твой коллега знакомый. Так у него жена только к холодильнику за ручку, а он – пых! – и Хоттабыча пустил. Она магнитофон включить, а тот – хрюк! – и проводами щёлкнул. Он ей тогда и наказал, чтобы ни к одному прибору не подходила, кроме сковородки... Во как бывает!..

– А что было-то? – спрашиваю.

– Да-а-а... Темные силы электричества...

Я на него вытаращился, как на привидение в виде кентавра. Что он такое говорит?!

А ГТОшник чуть постоял, потом протянул мне на прощание руку и говорит:

– Ты, штурман, не суетись. Техника не любит нервных людей. Ты поспокойнее там в гиropосту... Не говори громко. Старайся все военное оставить на пирсе или хотя бы у гиropоста на нижней палубе третьего... Тогда все будет ОК.

И он ушел. И тут я ему поверил. И вера моя в истинность его слов по сей день со мной».

* * *

ТУ – технические условия на корабль, где написано: «столько-то суток автономность», но человек там на последнем месте. На первом месте – техника. Там не «железо для человека», а «человек для железа». Есть нормы и на отдых. Только они маленькие – 24 дня после похода в 90 суток. Причем законы наши таковы, что командование может заменить санаторий на «отпуск при части» – то есть не дать никакого отпуска.

Считается, что за это отвечают все: командиры всех степеней, начиная с командира корабля и кончая главкомом. Когда столько ответственных, то считай, что никто не отвечает.

Медики пытаются что-то сделать, но их место на «шкентеле», то есть в конце строя.

Командование, начиная с командира дивизии, с нами не церемонится. Недаром есть на флоте поговорка: «Сон – это преступление». Не исполнишь приказ, пойдешь под трибунал.

* * *

Я видел людей, пришедших после автономки. Встречал их на пирсе. Другие глаза, взгляд другой, масса лишних движений, не всегда сразу отвечают на вопросы, подавлены или, наоборот, перевозбуждены. Я обсуждал эту проблему с медиками. Они все знают. Правда, это знание развивалось довольно вяло. И в медицинской среде хватает волевых командиров.

В наши времена все эти наблюдения считались секретными. На эти темы не говорили. А если матрос в море закрывает клапан слива гидравлики, управляющей рулями, и от этого они перестают управляться, а закрыл он его потому, что своим журчанием он мешал ему спать, то считалось, что он по национальности узбек и место его на камбузе.

* * *

По моим расчетам, экипаж «Курска», недавно прибывший с автономки и тут же загнанный назад в море, за трое суток нахождения в нем перед трагедией почти не спал. Это связано с выходом, беспрерывными тревогами, подготовкой к стрельбе.

Короткие выходы на учения самые гнусные. Рваные режимы: «всплываем-погружаемся» – составляют их суть. Для людей, недавно прошедших автономку, это все смерти подобно. Человек засыпает на ходу, а уж куда он после этого падает – это никому не известно.

На коротких выходах штурман, например, может не спать пять суток.

Я сам однажды десять суток спал по одному часу в сутки. Потом вообще не хочется спать, а все происходящее происходит вроде не с тобой.

Конечно, могли «нажать», все что угодно. Есть такое русское слово «задолбали».

А есть и другое, грубее, но точнее.

* * *

Можно прятать голову в песок и дальше. Ведь это же не единичный случай подобного отношения к людям и, как следствие, их отношение к технике. Это система. Это сплошь и рядом. Это всегда. Это навсегда.

А катастрофы случаются не каждый день. Есть такое русское слово «авось» – оно у нас всюду, и есть русское слово «везет». Иностранцы никак не могут понять: «куда везет», «кого везет», «почему везет». Оно для них лишено всякого смысла. А для нас – оно именно им и наполнено.

* * *

Давно наблюдаю за человечеством. Не знаю, какие на него виды у Бога, но только я считаю, что свалки за собой хорошо бы убирать.

* * *

С собаками и кошками я разговариваю. Только они разные. Собаки не любят, когда к ним лезут. А кошки любопытные: «Чего лезешь?»

Однажды пес стоял перед дверью в парадное и показывал, что ему нужно вовнутрь. Я открыл – он в дверь. Я ему: «А «спасибо»?» – пес засмутился.

Жена говорит, что я ни одну кошку на заборе не пропускаю. Действительно, подошел к забору, на нем – кошка.

Я ей: «Ну, как дела» – она мне жалобным, протяжным голосом: «Ну-уу, чего тебе от меня надо-оо... Ну-уу, шел себе и иди-ии...»

* * *

Муравьи похожи на нас: трудятся без отвлечения на секс – оргазм только для избранных – ходят друг за другом, все в дом, строят не для себя, нянчат не свое и отложить ничего не удастся. А хоронят их на мусорной свалке. И главное, мне нравится: армия у них ничего не стоит, потому что питается говном, исходящим от остального населения. И потом они воюют: муравейник как разрастется, так и война с соседним муравейником за пограничные территории. И кочевники у них есть: тамерланы, чингисханы и аттилы – бродячие муравьи, которые нападают на мирных фермеров – муравьев-листорезов, чтоб пожрать их детей; а те защищаются, возникает побоище – кто кого – и иногда бандитам не везет, и листорезы возвращаются в жилища, торжественно держа над собой головы поверженных врагов.

То есть отрывать головы в боевом восторге придумали не аборигены Амазонии, не зулусы и даже не папуасы. Это придумали муравьи.

И пожар они пытаются потушить, поливая его муравьиной жидкостью и бросаясь телами в огонь.

А еще муравьи-амазонки берут в плен куколок других муравьев, которые потом вырастают в их муравейнике в покорных рабов, которые кормят и поят своих хозяев. Как только рабы состарились – в налет на соседей, за новыми рабами.

Так что когда вижу муравьев, так и тянет сказать им: «Здравствуйте, товарищи!»

* * *

Письмо:

«Дорогой Му! Сердце мое, свет очей и прочее! Киньте свой взгляд окрест! Вперьте его в грядущее! Выдохните с толикой смысла и скажите нам наконец: как вы себя чувствуете?»

Мне так кажется, что чувствуете вы себя хорошо. Не далее как в четверг друг наш Лера Ширяев, которому обыски паскудные идут только на пользу (он розовеет), метался с глазами филина полуденного по вашей газете и орал: «Где этот Покровский!» – ему нужно было несколько книг отвезти пивоварам.

И он нашел-таки Покровского (а чего его искать, он где-то тут вечно трется), и тот подписал пивоварам, а Ширяев помчался (видел бы ты его лицо под углом тридцать градусов) в администрацию президента одаривать, то есть вручать.

Я в этом зрю новое отношение к вашему печатному органу.

Если раньше оно было «Собака лает – караван идет», то теперь налицо вторая часть поговорки, которую, кроме меня, не знает никто: «И пусть! Не будет лаять, верблюды собьются с пути».

Отчего это все, светозарный?

Это все оттого, что вы связались с таким местным бутонем изящной словесности, как я.

И ангелам, хранящим меня (что само по себе очевидно), ничего не остается, как хранить и вас, потому как расстройство – вдруг с вами чего – может повлиять на мое отношение к музе (вдруг я ее кину), чего ангелам небесным, по всей видимости, совсем бы не хотелось.

Лось ветвистый нашей печати, откликнись и скажи, как ты!»

* * *

Сын одной знакомой дамы ходит в детский сад. Во время «мертвого часа» днем он никогда не спит, но и никому не мешает, просто лежит.

Тут воспитательница его отловила. Оказывается, к нему в постель приходит дама из той же группы садиковской, он задирает ей платье, снимает трусики и целует попку. Парню пять лет. Когда его спросили, что это он делает, то оказалось, что это не его дама сердца, а подруга дамы сердца. «Она ей разрешила ко мне прийти!» – сказал он воспитательнице.

Дети, одним словом.

* * *

Фал, как символ плодородия, существовал почти во всех религиях. Видоизмененный, конечно. Например, луковица русской православной церкви не что иное, как... Но только попробуй об этом сказать, и такое в ответ посыплется.

Между прочим, курсанты училища им. Дзержинского, что размещено рядом с памятником Петру Первому, при выпуске ежегодно ночью начищают яйца коню Петра. И сияют они на следующее утро во всей красе. Так что полировка яиц – это глубокое первобытное чувство, связанное с плодородием. Курсанты об этом не думают, потому что чувство глубокое.

Потому там и думать нечего – надо полировать.

* * *

С чиновниками у нас все меньше общих генов.
Скоро от брака чиновника с обычным человеком не будут рождаться дети.
Как все-таки мудра природа – паразит только тогда живет, когда не передает и забывается о носителе. Например – пиявки и человек, мох и дерево.
С чиновниками такого не бывает.

* * *

Вы не знаете, что такое «Министерство экономического развития»? И я не знаю. Это министерство не экономики, а только ее развития. То есть самой экономики пока нет, она в стадии расцветания, но, что положительно, – министерство этого самого расцветания уже имеется.

Слово «развитие» не предполагает наличие чего-то, оно, прежде всего, характеризует прирост чего-то в единицу времени, проще говоря, скорость изменения.

А поскольку экономику представить в виде «чего-то» очень сложно, то и развитие этого, того, что представить сложно, уяснить для себя еще сложнее.

И если развитие – это, в первом приближении, все-таки скорость, то министерство от этой скорости – это как вторая производная.

А министр в этом министерстве – это как первая производная от второй или третья производная от первой.

Вот и разобрались.

* * *

Вообще-то на Земле без юмора никак. Представь: тебя посылают на Землю, договаривают с тобой все: как ты рождаешься, где ты рождаешься, кем ты рождаешься, потом – в осях, конечно, – договариваются, что ты на Земле делаешь и ради чего все это, потом тебе стирают память (самое сильное действие, на мой взгляд, и одновременно самое слабое), чтоб ты не особенно расстраивался, и потом начинаются чудеса: ты все делаешь не так и по-своему. Тебя пытаются вернуть на нужный путь (у людей это называется «чудесной случайностью»), но ты упорствуешь, а тебя все поворачивают и поворачивают, «случайностей» все прибывает, наконец тебя, как коня неразумного, повернули, куда надо, и ты все осознал, но – увы, время – ты умираешь просветленный.

У неразумных и буйных народов просветление устраивают чаще, и мрут они швыдче, чтоб чего-нибудь серьезного не наворотить.

Кстати, от преждевременного конца можно откупиться, делая, с точки зрения человечества, всякие глупости – например, потратить миллионы на благотворительность (это как давление взрывоопасного газа в трубе снять).

* * *

Однажды я поехал в Каджаран вместе с Ларой.

Времена были советские, а в те достославные времена в Каджаран можно было добраться: из Азербайджана в Армению по железной дороге до Кафана, а там на автобусе, пропахшем братьями армянами, до Каджарана.

Так мы и отправились. Но только у нас были билеты только в одну сторону – летом на этом направлении шел активный обмен родственниками.

В Баку нам было сказано, чтоб мы купили билеты на обратный путь в самом Кафане. В случае неудачи надо было обратиться на вокзале к милиционеру Сулейману, которому необходимо было сказать волшебные слова: «Дядя Гамлет».

Это должно было сработать.

В этот раз мы собирались снова навестить тетю Тамару, о которой я уже писал в рассказе «Каджаран»: стоял сезон сбора в горах шиповника, и этот сезон я не мог пропустить.

А Лару послали со мной только для того, чтоб я не заблудился.

Видите ли, все почему-то уверены в моей абсолютной беспомощности.

А если я беспомощен, то помощь должна прийти.

И она немедленно была мне явлена. В виде Лары – сестры моей жены.

«И смотри там за ним!» – сказали ей, и она с пониманием кивнула.

Это я с виду балбес, а Лара человек очень серьезный, и она на шестнадцать лет моложе меня.

До Кафана мы добрались без особых приключений, а автобус в Каджаран я обещал найти Ларе по запаху, и она посмотрела на меня с превеликим сомнением.

Ее можно было понять – Лара еще не сталкивалась с тем обстоятельством, что у меня потрясающее обоняние.

Как только мы оказались в Кафане, я сразу же пошел на дуновение ветерка, принесшего ароматы пота и заносенных чувяк, – то есть автобус был немедленно обнаружен.

До Каджарана мы доехали без приключений – мне удалось усадить Лару у открытого окна.

Тетя Тамара встретила нас криком «Вуй!» – и в этом тоже не было ничего неожиданного.

Тетя Тамара всегда кричит «Вуй!». Она кричит «Вуй» лучше всех. Звук этот рождается в глубинах ее необъятной груди, а затем он сотрясает уже все ее тело.

В горы мы направились на следующий день, а сегодня мы должны были есть, есть и есть.

Лара следила за тем, чтоб я все подьедал с тарелки, а потом боковым зрением она проверяла, усердно ли я прожевываю.

Нет, нет, рот я ей при этом не открывал, но она смотрела так, что я сам ужасно старался.

В этот раз мы приехали в Каджаран только на три дня и только на сбор шиповника, так что заниматься всякой глупостью – например, обходить родственников: дядю Армена с тетей Розой и братьев Мартуна, Марута, Борика и Гасика с их женами – мы не могли.

Мы отправились за шиповником на следующее же утро.

Тетя Тамара и я быстро, как козы, вскарабкались на гору, а Лариса шла медленно. Потом она и вовсе отстала и села у ручья под дубом.

Иногда до нас доносились ее возгласы оттуда, снизу.

– Тетя Тамара! – орала она, – тетя Тамара!

На что тетя Тамара не реагировала никак, только слегка цокала.

Часа через полтора, когда Лариса все еще нет-нет да и вскрикивала «Тетя Тамара!», она ей отозвалась. Она сказала: «Э-щщщщ как, тетя Тамара!» – и это означало «ишачье говно, тетя Тамара!» – после чего мы сошли вниз и нашли Ларису у ручья.

В обратную дорогу нас пришли проводить все.

Для начальства люди – мусор. С этим тяжело примириться. Мой Гена Янычар – это как раз отщепенец. Таких единицы. Хорошо бы, если б книги заставляли людей меняться.

Еще раз: бездушие на флоте – это принцип. Слабые не выживают. Сильные зачастую не так чувствительны, может, потому они и сильные. Чувствительные в начальство не попадают.

* * *

Затеял сборник «Покровский и братья». История этого сборника такова.

Однажды пришел ко мне Вадим Федотов и сказал: «Саня! Пикуль писал вместе с литературными неграми. Они все готовили, он обрабатывал и выпускал под своим именем. Давай я буду таким негром, буду поставлять тебе рассказы, а ты будешь их обрабатывать и публиковать под своим именем».

Один его рассказ я переделал и включил в свою очередную книгу под своим именем. Это рассказ «Гвардия».

А потом я переделал еще два его рассказа, но сказал ему: «Давай-ка мы соберем еще несколько человек и сделаем сборник, и эти рассказы включим туда под твоим именем». Так появился на свет этот проект.

* * *

Мой Андрей Антоныч – это старпом Гаврилов и еще один командир с «Акулы», который крестился двухпудовой гирей, держа ее на мизинце (такой он был у него величины). Гаврилов так и остался, как я помню, старпомом, потому что был грамотный и строптивый, мог один на один командующему сказать: «Чушь порете, товарищ командующий!»

Таких Система не любит.

А дети наши ничего не понимают. Не жили еще.

У меня лом из рук после восьмичасовой работы сам выпадал. Пальцы не держали.

* * *

Дядя Жора – тот, что из моего рассказа «Каджаран», умер, не дожив до шестидесяти. Сначала внезапно умерла его жена. У нее был сердечный приступ. Никого не было дома. Только внучка. Она не понимала, почему бабушка лежит и не отвечает. Дядя Жора ходил как потерянный. Все говорил: «Скоро и я за тобой» – потом заболел менингитом – и все. Через два месяца после смерти жены его не стало.

* * *

Иногда думаю вслух. Стою и думаю, а потом замечаю, что окружающие, скажем так, в вагоне метро как-то странно на тебя смотрят. В этом случае надо сказать слово «бля» – немедленно у всех пропадает к тебе интерес.

* * *

Я только одного не понимаю: как после песен о холокосте можно потом искать по столам спиртное?

Объясните мне. Значит, поем мы, и это дело совершенно отдельно от того, что потом взоры разгораются при виде еды?

И румянец жадности покрывает лицо до колен.

И зубы лязгают.

И желудок пускает сок.

А разговоры-то какие – все больше умные, все больше половые.

* * *

Американцы – это наш противник. Неуважение к противнику – первый шаг к поражению. А стенания по поводу того, что они, мол, к нам в тер-воды лезут, вообще неприличны. Они-то лезут, а вы-то на что? Для того и существует флот, чтоб это «лезут» пресекать. Это работа у них такая «лезть», а у вас работа их гонять. Не будут они «лезть», и вы останетесь без работы, а так – все при деле. И правильно они «лезут», чтоб вам служба медом не казалась.

Между прочим, и мы «лезли» и «лезем». Есть у тебя разведывательные, противолодочные лодки – «лезь». Попался – грош тебе цена, а они молодцы, обнаружили тебя и загоняли до смерти.

* * *

Теща с тестем уезжали из Баку уже после январских событий. Они досидели до конца. Сколько мы раз им говорили: уезжайте, пока не поздно, и вот они наконец собрались. Контейнер на вокзале им помогли достать знакомые азербайджанцы. Теща проработала на Бакинской железной дороге сорок лет, так что знала там нормальных людей.

Уезжали они вместе с тетей Люсей и дядей Гамлетом – эти тоже сидели до последнего.

Дядя Гамлет много лет проработал в милиции, так что им дали сопровождающих милиционеров – одного русского и одного азербайджанца.

Те им советовали: если вас в дороге будут обыскивать, не сопротивляйтесь, нас двое, и нам с ними не справиться, а вас выбросят из вагона.

Так они и ехали до Кафана. А куда им еще ехать? Родственники только там.

Мы с Натой в то время жили уже в Ленинграде, но у нас еще не было своего угла.

Дядя Армен позвал всех к себе, вот и поехали.

По дороге их обыскали. По вагону бегали молодые возбужденные парни. Они были из какого-то азербайджанского национального фронта, а может, и не из фронта – все равно они вывернули стариков наизнанку. А что у них есть – кастрюли? Все перерыли и разбросали все вещи по вагону. Ничего не нашли.

Говорили, что ищут оружие.

Деньги, наверное, искали, какое у стариков оружие.

Теща потом говорила, что, когда все закончилось, она как заново родилась.

Они устроились в Каджаране.

Дядя Армен в высоком точечном доме нашел им квартиру.

Потом мы привезли им туда Сашку, да и сами приехали, навестили.

Летели самолетом до Еревана, а потом – на перекладных до Каджарана. Путь через Баку нам теперь был заказан, там шла война.

Война чувствовалась и здесь – плохо с продуктами, но хлеб есть.

Очередей за хлебом целых две: в одной стоят мужчины, в другой – только женщины. У прилавка обе очереди встречаются и начинают толкаться. Меня теща попросила купить хлеб, я пошел и встал в ту очередь, что поменьше. Там стояли одни женщины. Обе очереди

уоставились на меня. Наконец ко мне подошел один старик и спросил по-русски: «Откуда ты?» – «Я из Ленинграда!» – «А! Из Ленинграда? – и, повернувшись ко всем, будто они не слышали: – Он из Ленинграда! Пусть без очереди возьмет!» – и мне дали хлеб без очереди.

Оказывается, в очереди можно стоять только за мужчинами, а за женщинами – неприлично.

«Почему?» – спросил я тещу. – «А ты же к ним будешь прижиматься!» – «А к мужчинам, выходит, можно прижиматься?» – Теща смеется: «К мужчинам можно!»

Дома теща всех кормит, тесть работает – приносит домой деньги. У тестя золотые руки, он нигде не пропадет.

Теща дружит с соседями. Где бы она ни жила, она дружит с соседями – это у нее бакинская привычка.

Соседская девочка приходит играть с Сашкой. У нее церебральный паралич, говорит и двигается она с трудом, но дети есть дети, они своих несчастий пока не замечают. Они с Сашкой весело бегают вокруг стола, играют в ловитки, смеются и визжат.

От другой соседки заходит маленькая и серьезная девочка Миле. Он еле до стола достает. Как-то теща купила рыбу, положила ее на стол, а хвост этой рыбы со стола свешивался. Миле подошла и откусила этот хвост. Рыба была сырой, свежемороженой, она только-только оттаяла, и теща собиралась ее разделявать, и тут Миле отхватила ей хвост.

Все вскричали: «Миле! Что ты делаешь?!» – а Миле в этот момент как раз и проглотила этот кусок, усердно помогая себе головой.

Я, конечно же, сразу по приезде отправился в горы за шиповником. За мной увязалась Сильва – жена брата жены Гасика и еще одна девушка, тоже чья-то жена.

Сильва оставила моей жене свою маленькую дочку и немедленно со мной умотала.

Ходили мы долго, почти заблудились, пока вышли к дороге.

С дороги нас должен был подобрать Гасик на своей машине.

– Где же твой Гасик? – спрашивал я у Сильвы.

– Гасик– пися! – говорила она. («Пися» – значит «плохой».)

– Вот именно пися твой Гасик! – донимал я Сильву, пока наконец за нами не приехал Борик.

Дома мы узнаем, что дочь Сильвы орала и отказывалась что-либо есть, потому что она до сих пор сосет только грудь. Подходящей груди рядом не было, и моя жена совсем извелась, пытаясь впихнуть в нее молоко в бутылке с соской.

Пришла Гаяна, жена Борика, посмотрела на все эти мучения, отняла у моей жены ребенка, воткнула ей соску в рот и зажала ей нос.

Девочка сначала захлебнулась, но потом начала сосать.

– Она же захлебнется! – вскричала моя жена, на что ей Гаяна совершенно спокойно заметила: «Не сдохнет!»

Вот так здесь растут дети.

Мы еще какое-то время погостили в этом замечательном крае, а потом поехали к себе в Питер.

* * *

«Дорогой Му! Обращение к Вам сродни обращению к солнцу, в отличие от которого, вы греете всегда. Так ли у вас все ладно? Живы ли ваши враги, отсутствие коих можно отнести к недостатку внимания со стороны властей? Выражаю надежду, что они все здоровы, здоровы их близкие и скот.

Там рядом с вами где-то должен шляться некто Ва. Он вчера спросил у Ве, почему меня не было на Дне нашей Великой Победы и скоро ли я приеду. Скажите ему от меня волшебное слово «блядь» и еще два слова: «Приглашать надо».

Засим остаюсь, с неизменным почтением,
Ваш Ап!»

* * *

Кстати, о «К-19». Экипаж с нее снимали два еврея. Шло учение и на их «SOS» откликнулись только две дизелюхи. У них командирами были евреи. В те времена случались командиры с такой национальностью. Потом – нет, а тогда – пожалуйста. Были даже еврейские экипажи. Рассказывали, что это так кадровики шутили: если командир еврей, то они собирали ему на экипаже всех евреев. Может, и вранье про кадровиков, но уж очень на правду похоже.

В разгар учений к аварийной «К-19» осмелились подойти именно эти два командира. Они нарушили приказ, подошли и сняли людей. За это им памятник можно до небес отлить.

Теперь, когда слышу всякие разговоры про то, кто кого продал и за сколько, всегда говорю: «Экипаж «К-19» снимали два еврея. А русские побоялись гнева начальства».

* * *

Иногда чувствую себя Сивиллой. Отвратительное чувство. Видишь будущее, кричишь о нем, а люди не слышат.

Как за стеклом. Остается только смотреть.

* * *

Про «Аршин мал алан». В Сумгаите было не так, как я описал. Было гораздо хуже. К сожалению, это так, и описать это словами нельзя. Есть видеоматериалы. Снимали корреспонденты. Один из них, кстати, этнический азербайджанец. Все это теперь для истории и для какого-то процесса в будущем. Показали материалы во Франции. В сильно урезанном виде. Франция оцепенела. У них своих головорезов хватало во время войны с Алжиром, но тут – шок.

Мне еще писали азербайджанцы и говорили, что я на них клевету. Ой, бля, если бы! Сам бы на себя за клевету в суд подал, но – увы!

«Аршин мал алан!» – фильм такой есть. Азербайджанский. Комедия. Там все такие веселые-веселые, кукольные. На самом деле немного не так. «Аршин мал алан» – так кричали торговцы на улицах Баку. Они продавали материю в рулонах аршинами.

* * *

У меня словарный запас – 18 тысяч слов. Я его вчера объявил. Считать я не стал – зачем? Все равно кто-нибудь и без меня подсчитает.

Вот тогда и поговорим.

* * *

Вчера снимали меня для 5-го канала питерского ТВ. День рождения Зоценко, нашего Михал Михалыча.

«А при чем здесь я?» – «А вы наш следующий Зоценко».

М-да. Смешно. Мы же совсем не похожи. У нас разный читатель, герой, стиль.

«А что вы делаете, когда не пишется?» – «Рисую пляшущих человечков». – «Как долго?» – «Пока мысль не появится. Рекорд – триста человечков». – «А сейчас можете нарисовать?»

Сажусь и рисую, смотрят с интересом, потом оператору: «Сними это».

Потом снимают мои рисунки в «Коте», где я нарисовал «косноязычие», «целостность», «целокупность» и прочее.

«Какой у вас самый короткий рассказ?» – «Несколько предложений». – «А самый любимый размер?» – «Два листа». – «Видите, как у Зоценко».

Да, только герои Зоценко ушли вместе с тем их языком, который Ахматова потом назовет «галантерейным», а мои будут жить, пока живет флот.

Потом едем в один садик на Петроградской стороне, где говорим о языке, о подводниках, о юморе.

«Вот есть мнение, что все юмористы печальные люди, а вы все время улыбаетесь». – «Это потому они печальны, что должны веселить людей на сцене за деньги, когда внутри у самих солнышка нет, а я не должен никого веселить за деньги – вот и солнышко». – «Завтра смотрите себя по питерскому 5-му каналу в 21.30. Там сначала новости будут – пятнадцать раз Матвиенко похвалят, а как же, положено, а потом – вас».

Хорошие ребята.

А жена сказала: «У тебя все хорошие». Показывали меня по 5-му каналу пять секунд, и я так и не понял, нравлюсь я себе или нет.

* * *

Чиновники – это... даже не знаю, как сказать... Словом, спасибо Господу за то, что все они когда-нибудь усопнут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.